

Пролог

Я расскажу вам сказку. И я начну ее так, как принято начинать все хорошие истории. Давным-давно...

Давным-давно жил да был красивый, сильный и благородный рыцарь, первый защитник короля, сэр Дженивер. Он женился на прекрасной леди по имени Алития, и у них родилась дочь, которую они обожали, и которая тоже любила их всем сердцем.

(Это, к слову, я.)

Как первый защитник короля, сэр Дженивер мог заполучить все, что только пожелал бы, но он был очень скромным, и потому семья жила в небольшом, но уютном поместье у Веридианского леса. Его сэру Джениверу пожаловал сам король.

И у них было все, что нужно. Им прислуживали восемь человек — ровно столько, чтобы жизнь их была приятна и легка. Была у них и старая гувернантка леди Алитии — та никак не могла смириться с тем, что дочери ее бывшей воспитанницы не суждено стать настоящей леди. Дом находился довольно близко к дворцу, чтобы семьей могли вызвать туда в случае необходимости, но и достаточно далеко, чтобы ни леди Алитию, ни их дочь, Мириам, не тревожили политические ин-

триги двора и не соблазняла его роскошь. Сэра Дженивера с двором короля ничего не связывало — он сам отказался от столь высокого статуса. Королевы в том королевстве не было, и потому леди Алитии не приходилось жить там среди других замужних дам в качестве фрейлины ее величества. Так уж устроен королевский двор. Король с приближенными управляет королевством, королева с фрейлинами — дворцом, а наследный принц или принцесса, если таковые имеются, со своими придворными обучаются искусству править. А это значило, что Мириам не приходилось учиться суровой придворной жизни и лавировать среди множества *других дочерей фрейлин*.

Сэр Дженивер, в отличие от гувернантки, понимал свою дочь. Поэтому он учил ее лазать по деревьям (и не делать этого в выходных нарядах) и скакать на лошади: сперва Мириам садилась с отцом на громадного вороного боевого коня, и тот пускал его в головокружительный галоп. Когда она подросла, то уже следовала за отцом на своем собственном пони. Сэр Дженивер давал ей книги, которые гувернантка ни за что бы не одобрила — они были о битвах и об искусстве фехтования. А еще отец подарил дочери кинжал и научил, как с ним обращаться и защитить себя. С этим подарком она никогда не расставалась.

Все это отнюдь не значит, что Мириам была не в ладах с матерью — та тоже хорошо понимала дочь. И пусть иногда вздыхала, что Мириам не любит красивые вещицы, она гордилась умом дочери, ее готовностью учиться всему, и часто об этом говорила (к великому возмущению гувернантки).

Сэр Дженивер приходился королю лучшим другом. Они были вместе почти каждый день, так как поместье находилось от дворца всего в часе езды, и временами

король сам заезжал в гости — тайком. В такие дни он не надевал корону и настаивал, чтобы в поместье не устраивали по поводу его приезда церемоний. Он играл в разные игры и дурачился так, что все хохотали до упаду (кроме гувернантки Белинды — ее поведение его величества откровенно шокировало).

«В твоих руках настоящее сокровище, Джен, и это твоя семья», — говаривал король, уезжая во дворец. — Береги ее».

И все было чудесно, пока не наступил страшный день, когда в Тиренделл пришла война, и первый защитник короля принял командование армией. Домой он так и не вернулся.

Сэр Дженивер отдал жизнь за победу, но леди Алития была безутешна. Король сделал ее придворной принцессой и старался изо всех сил, чтобы ни она, ни ее дочь ни в чем не нуждались.

Оглядываясь назад, думаю, маму и меня охватило такое горе, что мы очень долго не замечали, какой великой заботой окружал нас король. Однако это, разумеется, не ускользнуло от большинства придворных. Люди стали обращать на нас гораздо больше внимания. И те, кто никогда даже не глянул бы в сторону вдовы простого рыцаря (даже если тот был первым защитником самого короля) с приданным в виде клочка земли у мелкого поместья, начали крутиться рядом, пытаясь сблизиться с нами — и, конечно, с королем.

Признаюсь, я думала, что дело в новом титуле мамы; мне было всего тринадцать, и я понятия не имела, что у придворной принцессы нет никакого особого положения, а титул означал лишь то, что король пожаловал нашей семье дворянство. Какое-то время мама тоже пребывала в неведении, но явно стала чувствовать себя лучше, и мне уже не нужно было утешать ее всякий раз,

как что-то напоминало ей об отце. А еще мне больше не нужно было держать все в себе, хотя я никогда не показывала маме или Белинде, как я на самом деле горюю об отце.

Но наш новый титул был необходим и для того, чтобы отныне мы перестали быть лишь дочерью и вдовой простого рыцаря. Потому что ровно год и день спустя после смерти отца, во время празднования нашей победы, король Карлсон сделал моей маме предложение.

На парадном балконе.

Перед вообще всеми.

До ужаса романтично.

Тщательно спланированный шаг, чтобы ни один советник не успел ни возразить, ни предложить более политически выгодный Тиренделлу союз. На самом деле, когда они наконец сообразили, что он задумал, было уже слишком поздно.

Прозвучала длинная речь о том, как он долгие годы любил мою маму, но она выбрала его лучшего друга, и он исполнился решимости не рушить своим эгоизмом их счастье. Однако теперь, когда она свободна, может, она обратит на него внимание? И да, он никогда не сумеет заменить ей Дженивера, но...

Закончить ему не удалось, потому что у мамы на лице отразилось удивление и, наверное, чуточка облегчения и совсем капелька горя, а потом все это сменилось такой лучезарной и счастливой улыбкой, какой я в жизни не видела. И мама упала в объятия короля, и все это было похоже на тот самый счастливый конец обычной сказки.

Вот только это был не конец. А только начало.

Начало МОЕЙ истории.

Глава I

Я улучила минутку и сбежала с примерки проведать сестру. В окно королевской детской струился солнечный свет, а я смотрела на личико своей младшей сестрички и заново влюблялась. И так каждый раз, когда я ее видела, с момента ее рождения. Крошка Аврора — самая прекрасная, словно розовый бутон, самая идеальная маленькая принцесса на свете.

Разумеется, я, может быть, самую малость предвзята, потому что мы сестры, но с другой стороны, большинство детей кажутся... как бы попримичней выразиться? Созданиями, которых способна любить только мать. Некоторые похожи на сварливых старичков, даже девочки. А другие — на сырые булочки. Или сморщенных гоблинов-подменышей. Большинство детей — пятнистые, краснолицые существа, которые испускают с одного конца громкие звуки, а с другого — разные мерзкие штуки.

Но Аврора оказалась непохожа ни на одного такого младенца. Она смотрела на меня огромными голубыми глазами из-под копны нежных золотистых кудряшек, точь-в-точь как у папеньки. Кожа ее была нежной, цвета лепестка розы, и ее бутончик-ротик от удивления сложился буквой «О». А потом вдруг глазенки расши-

рились, сестренка захохотала и протянула ко мне миниатюрные пухлые ручки, умоляя прижать ее к груди. Она только несколько дней назад начала различать людей. То, что она узнавала в нависающей над колыбелью громадине именно меня, каждый раз согревало мне сердце.

По идее не было ничего, что могло бы испортить мой наряд на крестины, но разве у меня был выбор? Ее высочество приказала, я должна повиноваться. Я сдвинула шелковые занавески, запустила руки в гнездышко из кремового постельного из овечьей шерсти и заключила сестру в объятия. Я уложила ее себе на плечо, покачивая, вдыхая этот сладкий детский аромат, смесь ее собственного запаха и лаванды, которой пахло все ее постельное белье и одежда, а сестренка гукала и хихикала.

— Кто самый красивый в королевстве? — спросила я, глядя в ее прекрасные глазки. — Ты! Да-да-да! Ты самая красивая!

И, конечно, именно тут в детскую ворвались моя гувернантка и нянечка Авроры, Мелали, чем испортили весь момент.

— Леди Мириам! — воскликнула Белинда раздраженным тоном, который вызывал у меня желание выкинуть что-нибудь дикое, например подняться на башню... по внешней ее стороне. — Ваше платье!

И Мелали, ринувшись ко мне, забрала Аврору, сопровождая это подозрительным взглядом и недобрым цоканьем, как если бы я позволила сестре сосать рукоять кинжала или тайком поила ее медовухой. Я просто ее нянчила, что в этом такого?

Белинду, конечно, волновало очень дорогое платье — в чем, полагаю, и заключалась ее работа, ведь она моя гувернантка. Но вряд ли нужно было поднимать такой шум, будто Аврора была вся в грязи?

Уж вряд ли сестренка могла сотворить то, чего нельзя исправить. А Мелали вообще не нравилось, когда Аврору трогал кто-то, кроме нее, мамы или папы.

— Мое платье выдержит несколько минут объятий с ребенком, Белинда, — возразила я, пока Мелали укладывала милое дитя обратно в гнездышко.

Платье-то и правда выдержит. Оно, наверное, самое лучше из всех, что у меня когда-либо были, но мама всегда очень практично подходит к заказам на пошив нарядов для нас. К слову, мы собирались надеть одинаковые платья из зеленого саржевого шелка, который не мнется так сильно, как атлас, но прочнее кисеи, и достаточно темный, чтобы не пачкаться от одного взгляда, как многие светлые платья маминых фрейлин. Отделка из широкой золотой тесьмы и гармоничные пояса из того же материала были прочными, как доспехи, явно переживут меня и достанутся по наследству какой-нибудь праправнучке.

А Белинда суежилась так, будто Аврора вот-вот извергнет ядовитый желтый гной, словно одержимая демоном тварь, и уделает меня по уши. В общем, на этот раз было проще позволить гувернантке меня увести из детской. Нет смысла бесить ее перед самым крещением. Я хотела им насладиться, а не как обычно сидеть в верхних покоях, где мама и ее дамы занимались шитьем зимой, когда не могли гулять. И не то чтобы я сейчас вредничала; как только мама вышла замуж за папу, у меня появился целый набор новых уроков и обязанностей, и ни одно не включало в себя шитье часами напролет, как того хотела Белинда. Я должна была изучать языки, танцы, игру на лютне и историю, а еще заниматься делами своих новых земель. У меня нет титулов и родословной, чтобы стать фрейлиной мамы, и я не настолько взрослая, чтобы

просто ходить и делать, что мне заблагорассудится: например, одну половину дня проводить на прогулках верхом на пони, а другую — читать в библиотеке и, может, познакомиться с парой девчонок, которые туда регулярно заглядывают. В представление Белинды о том, как я должна проводить время, не входило ничего полезного.

Портнихи оставили меня без присмотра лишь на мгновение, пока искали три комплекта нарукавников, которые они сшили, чтобы позже решить, какой лучше всего подходит для крестин. Нарукавники ведь идут отдельно, их можно занять сколько угодно, главное, подбирать материал в тон. И тут снова проявилась практичность мамы: со сменой нарукавников (самой изысканной части наряда) и, как вариант, поясов мы получали три совершенно разных платья по цене одного — ну разве что с небольшой доплатой. Мама, может, и стала королевой, но все равно думала о стоимости вещей, как простая дама. Пусть ей больше не надо было выбирать между тем, чтобы потратить деньги на жаркое и на новые наряды, она говорила, что мы должны служить примером того, как не быть расточительными.

Портнихи ждали в моей комнате: на их лицах было написано беспокойство, ведь меня не оказалась там, где они меня оставили. Явно боялись, что я сбежала в лес или сделала с платьем что-нибудь неподобающее.

В переживаниях за мой наряд они, видимо, забыли, что я вовсе не такая легкомысленная, как считала Белинда. Им следовало знать: реши я сгоряча отчудить нечто действительно неподобающее (а не просто потискать ребенка), то сделала бы это уж точно не в шелковом платье. Я бы сперва переоделась в более плотную одежду. Мне было пять или шесть лет, я лепила пироги

из грязи в саду и в процессе портила новенькое платье. Никогда не забуду лекцию, которую прочитал мне отец, поймав за этим занятием. Он говорил спокойно, но был очень строг. И сразу после этого случая у меня появилась особая одежда для улицы: в ней я могла делать, что захочу, — например, лазать по деревьям и стенам или учиться чистить лошадиное стойло. Благодаря моей «боевой» одежке маме никогда не приходилось теряться в догадках, как из обрывков одного платья и раскроенного второго, из которого я выросла, сделать третье.

Да и вообще, я больше не сбегая сторяча. По крайней мере, не так часто.

Тихонько стоять посреди комнаты, пока две женщины суетились вокруг меня, щебеча между собой, было нетрудно. Правда, я еще никогда не слышала таких высоких голосов. Я не могла понять, они действительно так говорят или лишь притворяются.

Когда папа женился на маме, он подарил мне собственную спальню, которая была такой идеальной, что у меня закралось подозрение: уж не читает ли король мои мысли? На потолке мерцали луна и россыпь звезд, и у меня появилась целая полка с книгами, а книги-то стоят дорого! Каждая — дороже мамино платье на коронации, а ведь единственными людьми, кто считал книгу подходящим для меня подарком, были отец и мама. Те, кто хотел выслужиться перед королем, дарили мне шелковые платки, маленькие украшения и столько сладостей, что потом неделями тошнило.

Под книжной полкой расположился мой личный письменный столик и огромная кровать с балдахином и расшитыми зелеными занавесями из бархата, что зимой защищали от сквозняков. Стены были покрыты изысканными гобеленами с лесными пейзажами

и феями — они помогают сохранять тепло в холодную погоду и тоже ужасно дорогие. Так вот, пока швеи перешептывались о вставках, складках и прочем, что имело смысл для них, но не для меня, я могла разглядывать гобелены и находить детали, которых раньше не замечала.

Комната была небольшой. Пространства хватало лишь на самую необходимую мебель: кровать, платяной шкаф, книжную полку и туалетный столик. Даже спальное место Белинды некуда было приткнуть, а пускать ее к себе, как приходилось делать в детстве, я отказывалась. И знаю, это не очень любезно с моей стороны... но мне никогда не нравилось ночевать с кем-либо в одной комнате. Когда я наконец выросла и заявила, что хочу спать одна, взрослые меня не так поняли. В итоге Белинде досталась большая кровать, а мне неудобная и низенькая, днем ее приходилось задвигать. Зато здесь для Белинды не было места, что меня более чем устраивало. Теперь ей приходилось спать с мамиными фрейлинами, а комната осталась в моем распоряжении.

Моя комната была угловой, с двумя окнами. А еще она не была проходной — и никто не бродил по моим покоям, чтобы попасть в свои. Дворец построили так давно, что в нем отсутствовали коридоры; в те времена люди считали, что должны использовать каждый дюйм с умом, а не тратить его на глупости вроде коридоров. А еще у меня был собственный маленький камин — великая роскошь.

Пока мама не вышла замуж за короля, я ни разу не видела эту комнату, и мне было трудно сказать, для чего она использовалась раньше, пока папа ее не переделал для меня. На стенах под гобеленами подсказок я не обнаружила. Загадка. Мне нравилось думать, что

комнату обустроили специально для меня — не принцессы, но той, кого явно любили, о ком заботились.

Портнихи наконец остановились на нарукавниках с тугой шнуровкой, чтобы проглядывала шелковая сорочка. У мамы, скорее всего, будут большие, с острыми краями, похожие на крылья ангела; портнихи не хотели, чтобы мы были *слишком уж похожими*. Наконец они решили, что примерка окончена, и мне позволили переодеться во что-то менее помпезное — сегодня мне предстояло работать на кухне. Когда портнихи умчались с отрезами ткани, я натянула поверх льняной сорочки грубую холщовую юбку, повязала фартук и сунула ноги в деревянные башмаки. А потом пробежала через верхние покои и спустилась по лестнице для слуг на нижний этаж: именно там и творилось все, что поддерживало во дворце жизнь. Первой комнатой от лестницы была прачечная, что мне ужасно нравилось: когда большие наружные двери зимой закрывались, по лестнице поднимался пар, принося с собой ароматы чистого белья, лаванды и розовой воды. Далее располагалась сушильная, за ней — гладильная, а потом — первое помещение, связанное с кухней, судомойня, где мыли все кастрюли, сковородки и тарелки. Моей целью была следующая — пекарня.

— Ну наконец-то, девочка! — крикнул главный пекарь. — Ты сегодня готовишь манше! Давай, поторапливайся!

На кухне со мной себя вели так же, как со всеми остальными здесь, внизу. Это папа приказал, чтобы я привыкала к тому, как нужно обращаться со слугами. Папа убежден: те, кто правит, должны точно знать, что чувствуют те, кто им служит.

Может показаться странным, что я, дочь королевы, училась работать на кухне. Видите ли, наше королев-

ство очень маленькое. Если встать на вершине горы Снежной на северной границе, видно все земли до самой южной. А если бы на восточной границе тоже была гора, открывался бы вид на западные земли. Сейчас у нас со всеми вокруг мир, но мой отец погиб на войне каких-то пару лет назад, и многие опасаются, что она снова вернется. И пусть на последней сражались только люди, всегда есть шанс, что кто-то (или что-то) волшебный, большой и могущественный сочтет крошечный Тиренделл лакомым кусочком. В этом мире встречается магия всех видов, и даже в нашем Тиренделле есть собственный волшебник. Вот папа и настоял, чтобы я научилась чему-нибудь полезному на случай, если королевство однажды падет и мне придется скрываться у простых людей.

«Мальчик всегда может стать воином, — сказал мне папа и заставил меня посмотреть ему в глаза. Он был очень серьезен. — Хочу быть уверен, что моя дорогая Мириам никогда не останется голодной — или не окажется в плену у врага. Никто и не подумает искать тебя, если ты по уши в муке или занята уборкой денника».

Вот я и решила учиться печь. А главному пекарю — Одо — было велено обращаться со мной, как с любимым другим подмастерьем.

Я побежала к своему рабочему месту и оказалась рядом с моим хорошим другом Джайлзом, который сегодня готовил хлебные тарелки. Это когда хлеб разрезают от края до края и на получившиеся половинки кладут еду для слуг, что позволяет сэкономить на мытье посуды. Тот, кто очень уж проголодался, может забрать хлебную тарелку с собой на потом, хотя я никогда такого не замечала — папа следит, чтобы каждый во дворце, вплоть до последнего поваренка, хорошо питался. Оставшиеся хлебные тарелки тоже не пропа-